

Не делать из человека кумира

Сергей Мазур

10 апреля 2010 г. директор программы Управления культурой Балтийской Международной Академии Ирина Маркина в Русском центре совместно с Научно-исследовательским Центром русистики Латвийского университета при участии ряда общественных организаций российских соотечественников провела научно-практический семинар «Инфаньевские чтения. Памяти Бориса Федоровича Инфантьева». Мероприятие состояло из трех частей, собственно Борису Федоровичу Инфантьеву (1921–2009) была посвящена ее первая часть — «Памяти Учителя».

Открыл Чтения председатель Латвийского старообрядческого общества Илларион Иванович Иванов с докладом «Судьба архива Б.Ф. Инфантьева».

В начале своего доклада Илларион Иванов высказал очевидный для всех собравшихся факт — Борис Федорович Инфантьев, ушедший 18 марта 2009 г. на 88-м году жизни, представлял русскую культуру в Латвии.

Однако самым болезненным моментом в выступлении И. Иванова стал вопрос о судьбе архива Б. Инфантьева. В свое время один из исследователей русской культуры в Латвии, доктор философии Светлана Ковальчук заметила, что самое ценное у русской культуры в Латвии — это архивы. Но судьба у архивов одна — они или бесследно исчезают, или их увозят в страны Западной Европы или даже в Америку. Архив выдающегося деятеля русской культуры Латвии, переводчика Юрия

Ивановича Абызова (1921–2006) сейчас в Германии. Что будет с архивом фольклориста, краеведа, историка Б. Инфантьева?

На вопрос участников семинара, почему архив Б. Инфантьева оказался не в государственном историческом архиве, не в одной из библиотек того или иного академического учреждения, а в руках И. Иванова, председатель Латвийского старообрядческого общества заметил, что об этом его попросили родственники Б. Инфантьева.

Архив, содержащий богатейшее наследие, состоящий, по-видимому, в основном из неопубликованных рукописей Б. Инфантьева, до сих пор оказался неразобраным. А ведь прошло уже больше года после смерти выдающегося соотечественника. На вопрос участников семинара о том, хранятся ли в архиве письма Б. Инфантьева, личные дневники, И. Иванов затруднился ответить. Совершенно справедливо докладчик высказал предположение, что «архив должен работать». Но способ включения в работу архива, придуманный председателем ЛСО, не всех устроил. Суть предложения сводилась к тому, что архив надо разделить на части: одну часть, содержащую материалы о православии, отдать православным, другую часть — старообрядцам и т.д. Обеспокоенность судьбой архива Б. Инфантьева оказалась единодушной. Опасение в том, что архив таким образом утратит свою целостность и станет недоступным для научного исследования, высказала ведущий

специалист отделения славистики и русистики Латвийского университета Татьяна Васильевна Тополевская.

Благодаря конструктивному диалогу удалось достигнуть компромисса. И. Иванов дал слово — студенты Латвийского университета будут допущены к архиву, чтобы провести научную опись наследия Б.Ф. Инфантьева.

Докторант Российского Государственного Гуманитарного университета (РГГУ) Алексей Романов свое выступление на тему «Этический образ Бориса Федоровича Инфантьева: культурологическое введение к биографии» начал с цитаты рижского историка Бориса Равдина: «Борис Инфантьев родился, жил на перекрестке русской, латышской, еврейской, немецкой культур, на перекрестке политических эпох и культур. Считается, что перекресток — это хорошо. Но в случае с Б. Инфантьевым — хорошо, да не очень, уж больно ветры сильные сдувают. По-моему, Б. Инфантьев не смог окончательно сориентироваться — где же его место на этом перекрестке, точнее — так называемые ветры истории не позволили ему реализовать изначально заданный вектор. Его биография, на мой взгляд, оказалась смещенной историей, история ограничила его возможности в науке».

Это спорное высказывание рижского историка, безусловно, верно в том, что Б. Инфантьев жил на перекрестке истории. Шесть государственных режимов — Первая Латвийская республика, диктатура Ульманиса, советский строй до 1941 г. и после 1944 г. и Вторая Латвийская республика оставили неизгладимый след и на его судьбе, повлияв на становление его научной карьеры. Только в 1997 г., то есть фактически на рубеже 75-летия, Б. Инфантьев получил возможность публиковать главные труды своей жизни, связанные с изучением балто-славянского фольклора.

Из истории российской литературы мы знаем, что многие писатели по политическим мотивам долгое время вынуждены были писать свои произведения «в стол». Из-за этого обстоятельства вряд ли можно умалять вклад российских писателей в русскую культуру или говорить об их несостоятельности. Б. Инфантьев не был репрессирован ни одним из существовавших на территории Латвии режимов. Во Второй Латвийской республике ученый, фольклорист, краевед стал кавалером ордена Трех Звезд, которым награждают

за выдающиеся достижения перед государством. Столь позднее признание во многом есть следствие стечения обстоятельств. В Советском Союзе Б. Инфантьев — реформатор образования, преподавал русский язык в школах с латышским языком обучения. Не был ущемлен по политическим мотивам и в последние 20 лет своей жизни. Даже выйдя на пенсию, в 2000-х гг., продолжал читать лекции в Академии культуры, в Балтийской Международной Академии.

Интерес к культуре Русского мира как в самой России, так и в Латвии возникает лишь в 90-х гг. XX века. Поэтому востребованность творчества Б. Инфантьева попадает на конец 90-х — начало 2000-х гг. В новом тысячелетии оказались нужны статьи о русском языке, укорененности русских в Прибалтике, о фольклоре, Петре I, русской литературе в Латвии, русско-латышских литературных связях и т.д.

У Инфантьева постоянно просили материалы для публикаций, а после 75 лет писать работы, печатать на машинке вслепую (лента давно стерлась, а новую купить невозможно) вовсе непросто. Борис Федорович так и не научился пользоваться компьютером. А на печатной машинке получалась живая русская льющаяся речь, чего никак не могут простить Борису Федоровичу некоторые издатели. Понятно, он не видел текста, не мог его редактировать. Эта была устная речь как бы для самого себя.

Алексей Романов в своем докладе сравнил такую речь с речью блаженного Августина в его «Исповеди». «Это как бы автоматическое письмо, — продолжил А. Романов. — У сюрреалистов и дадаистов в первой половине XX века был точно такой же способ написания текстов. Или как поток сознания у Л. Толстого, когда идет 15-этажное предложение, в котором под конец забываешь, что было вначале. У Инфантьева в этих воспоминаниях не было никакой литературной обработки. Жанр, который использовал Б. Инфантьев — это жанр автобиографических хроник. Первым, как мы знаем, в русской литературе этот жанр использовал старший Аксаков в «Детских годах Багрова-внука». То есть Борис Федорович свою автобиографию начинает писать с детства и продолжает держать этот детский тон до самого конца, до самых последних лет своей жизни. Этот прием позволяет держать отстраненную, отчасти цинич-

ную и объективную позицию по отношению к тому, что происходит с ним и, естественно, с достаточной для этой дистанции иронией».

Из выступления А. Романова следовало — дело не в том, что Б. Инфантьев не смог сориентироваться в жизни из-за «страшных» политических обстоятельств. От себя добавим: дело в другом — почти в полном отсутствии интереса к нему как к выдающемуся латвийскому фольклористу. И до сих пор проще справиться очередной юбилей, произнести здравицы, чем прочесть фольклорные произведения Бориса Федоровича. Вообразите фантастическую картину, например, с Львом Николаевичем Толстым. Проходят мероприятия в честь великого русского писателя, при этом никто не читает «Войну и мир» или «Севастопольские рассказы». А ведь нечто подобное произошло и происходит с наследием Б. Инфантьева. Как мало в Латвии ярких имен. Вот вам, пожалуйста, Б. Инфантьев — величина! Но читать, вслушиваться в мысли Б. Инфантьева нет якобы необходимости.

Любопытный эпизод произошел на первых Чтениях памяти Б. Инфантьева. Можете себе представить обычную конференцию? Докладчики один за другим монотонно, деревеняющим голосом произносят доклады. И вот наконец-то звучит на сохранившейся кассете запись беседы с Б. Инфантьевым. Что происходит? Все участники начинают смеяться. От кого же еще как не от Инфантьева можно услышать настоящий русский язык с половицами, с какими-то особенными забытыми речевыми выражениями, с каким-то скрытым смыслом, требующим расшифровки, продумывания. Вот участник беседы задает Борису Федоровичу вопрос о советском времени, о том перекрестке истории, на котором давлению подвергались те, кто сотрудничали с предшествующей преступной властью.

— Мой научный руководитель Мирдза Гайле, — говорил Б. Инфантьев, — пошла просить в деканат милости у университетского начальства за преподавателя, которого обвинили в коллаборационизме. — Оставьте его хоть на один день! Завтра у нас начинается заочное отделение. Он представитель кафедры русского языка и литературы, он должен все это дело наладить. — Начальство обрело Мирдзу Гайле.

— Что вы пришли за этого фашиста хлопотать?..

Вопрос к Инфантьеву.

— А он, начальник, наверное, был с КГБ связан?

— Кто же не был, — отвечает Инфантьев, — я тоже был связан с КГБ. Но тем не менее и меня произвели в фашисты...

Вот в этом ответе «я тоже был связан с КГБ» был весь Инфантьев. Для берущего интервью у Бориса Федоровича почти как у манихеев мир делился на светлое и темное, доброе и злое. КГБ представлял самую темную сторону советской действительности. Инфантьев, конечно, ни с каким КГБ не был связан, но его ответ разрушает манихейское восприятие времени.

Известный библиофил Анатолий Ракирянский на Чтениях гуманитарного семинара в Риге осенью 2009 года как-то изумился, что однажды, когда при Инфантьеве стали ругать атеистов, а Борис Федорович, как любят говорить, «был глубоко верующим человеком», Б. Инфантьев неожиданно съязвил: «Я тоже атеист».

Парадоксальное мышление Б. Инфантьева можно услышать на той же самой кассете, продемонстрированной во время доклада доктора филологии Латвийского университета Игоря Кошкина. Речь зашла о русофобской политике в Первой латвийской республике в 20-е — 30-е гг.

«Как я вам сказал, первое запрещение говорить на русском языке, — заметил Б. Инфантьев, — в публичных местах было сделано уже в 1931 году. Не в 1934 году, когда Карлис Ульманис переворот сделал, а в 1931 году. Ульманис был более других лоялен к меньшинствам, и только когда он стал президентом, стал подлаживаться под националистическую идеологию. А в 1931 году это был министр образования Атис Кениньш, который издал закон, запрещающий говорить на русском языке. Он первым пытался ввести как раз ту систему преподавания в старших классах всех предметов на латышском языке, чтобы русские и латыши экзаменовались на общих основах. Но ситуация, как потом мне рассказал историк Лео Дрибин, и за это ему большое спасибо, была такая, что немцы в 1931 году сказали, что прогласуют против бюджета. Поэтому премьер-министр пошел на попятную и ликвидировал Атиса Кениньша как министра. Закон этот был опубликован, но практически никакого действия не

возымел. Впредь все говорили только по-русски. И я на своей шкуре только два раза ощутил этот запрет говорить по-русски, причем по диаметрально противоположным причинам.

Первый случай был еще до того, как в Латвии К. Ульманиса заменили Августом Мартыновичем Кирхенштейном. Моя мамаша встретила мамашу моего одноклассника, сына профессора Майсита, тоже русскую, которая говорила по-латышски правильно, но можно было понять, что она не латышка. Как обычно, она с ней заговорила по-русски, а жена Майсита ответила: «После 17 марта я по-русски не говорю». А второй раз с запретом говорить на русском языке столкнулся тогда, когда заканчивал школу, и отец моего одноклассника полковник Нейман, его сын потом был в Америке председателем латышского литературного объединения, пригласил меня и мою мамашу, отец был в командировке, отобедать в офицерском собрании. И когда моя мамаша заговорила с его женой по-русски, конечно, русская была его жена, как и у всех высоких военных министров Латвии, то полковник ответил — здесь по-русски не говорят. Как раз это было в день аннексии в 1940 г., у нас был выпускной вечер, когда советские танки перешли границу.

Вот это были два случая, когда я услышал, что по-русски не говорят. Но потом, уже в немецкое время, если вас это интересует, я был в семье того же Нейманиса. К нему приехал высокопоставленный офицер из Вермахта. То ли он был из Ваффен СС, то ли просто полковник Вермахта. Все мы говорили очень хорошо на русском языке».

Известно отрицательное отношение Б. Инфантьева к Холокосту, фашистской оккупации, власовцам, всякого рода лесным партизанам, которых в беседах обычно просто называл бандитами. Всю эту коричневую чуму он ненавидел. Но особенность его судьбы заключалась в том, что ему пришлось оказаться, как я говорил, на перекрестке истории. Спустя десятилетия пережитый опыт сделал Бориса Федоровича незаменимым собеседником. Жаль только, что поняли это мы довольно-таки поздно.

После его смерти, как заметила ведущая секции «Культурная компаративистика и межкультурные коммуникации», доктор филологии Латвийского университета Людмила Спроге, важно с первых шагов не делать из личности Б. Инфантьева «...нечто иконообразное. Мы должны понимать человека во всей его сложности в контексте тех периферийных исторических ветров, перекрестков. Мы должны его воспринимать таким, каким он был в своей жизни».

